

Тур Евгения

Семейство Шалонских

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Е14

Е14 **Евгения Т.**
Семейство Шалонских / Тур Евгения – М.: Книга по Требованию, 2023. – 164 с.

ISBN 978-5-519-77881-7

ISBN 978-5-519-77881-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Внуку моему

Гр. ГЕОРГІЮ САЛІАСЪ.

I.

Мы жили весну и лѣто въ подмосковной батюшкиной деревнѣ, осенью ѣзжали къ бабушкѣ въ ея имѣніе Щеглово, Калужской губерніи, и тамъ проводили всю осень, а по первому пути отправлялись зимовать въ Москву. Эта бабушка наша была мать нашей матери, очень богатая и по фамиліи Кременева. Она безвыѣздно жила въ своемъ большомъ имѣніи, недалеко отъ города Алексина. Объ ней и ея житьѣ-бытьѣ я буду говорить впослѣдствіи подробнѣе, а теперь скажу, изъ кого состояло наше семейство.

Батюшка, Григорій Алексѣевичъ Шалонской, какъ я его запомню въ раннемъ дѣтствѣ, былъ высокій, сильный брюнеть, степенный и важный, съ оливковымъ цвѣтомъ лица и большими черными, выразительными и огневыми глазами. Онъ служилъ въ военной службѣ и вышелъ въ чинѣ бригадира въ отставку. Въ дѣлахъ по службѣ, какъ говорили его сослуживцы и родные, онъ былъ ревностный, смѣтливый, исполнительный человекъ, нрава незаносчиваго и невздорнаго, не-

притязательнаго, но былъ гордъ и спины гнуть не могъ. Начальникъ не поладилъ съ нимъ, и отецъ мой вышелъ въ отставку 32 лѣтъ. Онъ встрѣтилъ мать мою у своей близкой родственницы, влюбился въ нее, женился и, имѣя прекрасное состояніе, поселился на зиму въ Москвѣ. Вскорѣ послѣ женитьбы, занявшись своими помѣстьями, онъ сдѣлался отличнымъ агрономомъ, домохозяиномъ и мало-по-малу, занимаясь духовнымъ чтеніемъ по преимуществу, предался религіозному настроенію. Никогда не пропускалъ онъ обѣдни въ воскресенье, ни даже заутрени и вечерни; приходилъ въ церковь прежде священника, становился на клиросъ, пѣлъ сильнымъ, но пріятнымъ баритономъ. Онъ зналъ наизусть всю церковную службу, превеликій былъ знатокъ въ св. писаніи, зналъ псалмы, ирмосы и кондаки наизусть и могъ бы поспорить съ любимымъ духовнымъ лицомъ по этой части. Четы-Минеи, Камень Вѣры, Подражаніе Христу Өомы Кемпійскаго, проповѣди Боссюэта, Масильона, Августина и Платона были его любимымъ чтеніемъ. Каждый день, лѣтомъ въ шесть часовъ, зимою въ восемь, собиралъ онъ насъ, дѣтей своихъ, читалъ намъ самъ одну главу Евангелія, а потомъ каждого изъ насъ заставлялъ при себѣ молиться Богу. Мы должны были прочесть: „Отче нашъ“, „Вѣрую“, „Милосердія двери“, „Царю небесный“ и „Богородицу“; потомъ каждого изъ насъ благословлялъ и отпускалъ пить чай и учиться. По воскресеньямъ собиралъ онъ насъ и шелъ съ нами въ церковь. Не малое испытаніе было для насъ стоять смирно, не шевелясь, долгую

обѣдню въ сырой, нетопленной поздней осенью, деревенской церкви. Я помню до сихъ поръ, какъ жестоко озябали мои ноги и съ какимъ удовольствіемъ помышляла я объ отъѣздѣ въ Москву, гдѣ церкви были теплыя. Обращеніе отца нашего съ нами, дѣтьми, было важное, серьезное, но не суровое, и мы его не боялись, мы чувствовали, что сердце его мягко, что онъ добръ и чувствителенъ, несмотря на свой громкій голосъ и всегда задумчиво-строгое лицо. Матушку мы боялись больше, хотя она была нрава веселаго, любила смѣяться и шутить, когда была въ духѣ. Матушка ни въ чемъ, ни во вкусахъ, ни въ привычкахъ, ни въ мнѣніяхъ не сходилась съ батюшкой. Она была учена, воспитана на французскій ладъ французской гувернанткой и великая охотница до чтенія, но совсѣмъ другаго, чѣмъ батюшка. Она любила поэзію, романы, а болѣе всего трагедіи. Память ея была изумительна. Она знала наизусть Оды Руссо (не Жанъ-Жака, конечно, а Жана-Баптиста Руссо), цѣлые монологи изъ трагедій Вольтера, Корнея и Расина, зачитывалась Жанъ-Жакомъ Руссо, Августомъ Лафонтеномъ (въ переводѣ съ нѣмецкаго), и вообще была пристрастна къ французской литературѣ. Она владѣла въ совершенствѣ французскимъ языкомъ и, читая и перечитывая письма г-жи Севинье, сама писала по-французски такимъ безукоризненно прекраснымъ слогомъ, хотя и очень высокимъ, что ея письма къ знакомымъ ходили по рукамъ и возбуждали всеобщее удивленіе и восторгъ. Это не мало радовало матушку, и она сама цѣнила высоко свои познанія и талантъ писать письма.

При этомъ образованіи, по тогдашнему времени замѣчательномъ, она была отличная хозяйка и знатокъ въ садоводствѣ. Цвѣты имѣла она рѣдкіе, умѣла засадить клумбы изящно, а въ теплицахъ, построенныхъ по ея желанію, развела множество тропическихъ растений. Нельзя описать ея радость, когда разцвѣталъ пышный южный цвѣтокъ; его тотчасъ изъ теплицы приносили въ покои и ставили на деревянныя полки, горкою украшавшія углы залы и снизу доверху уставленные цвѣтами. Букетовъ она не любила, говоря: „зачѣмъ рвать цвѣты, ими надо любоваться живыми, а не мертвыми, умирающими въ вазахъ“. Отецъ относился ко вкусамъ матери со вниманіемъ, но не раздѣлялъ ихъ. Въ особенности не могъ онъ примириться съ ея пристрастіемъ къ французскимъ книгамъ и французскому языку. Онъ почиталъ всѣхъ вообще французовъ вольнодумцами, а книги французскія безнравственными, и считалъ, что всѣ онѣ написаны подъ вліяніемъ Вольтера, котораго ненавидѣлъ и о которомъ говорить спокойно не могъ. Матушка ему не прекословила, такъ что, несмотря на разницу мнѣній и вкусовъ, они жили дружно и любили другъ друга. Спорили они зачастую, но ссоръ не запомню; Матушка имѣла большое вліяніе на отца во всемъ, что не касалось религіи, церкви, богослуженія и духовныхъ лицъ. Въ этомъ она должна была *насовать*, какъ она сама выражалась, и предоставить насъ, дѣтей, отцу; но за то во всемъ прочемъ она была полная и самовластная хозяйка. Она желала намъ дать отличное образованіе, и потому, несмотря на

косые взгляды отца и его подчасъ рѣзкія замѣчанія, у насъ жили французенка гувернантка и нѣмецъ, не то гувернеръ, не то дядька. Богъ его знаетъ, что онъ былъ такое; его познанія ограничивались знаніемъ безконечнаго количества арій, которыя онъ распѣвалъ по-нѣмецки, гуляя съ нами по полямъ нашего дорогаго Воздвиженскаго. Батюшка говаривалъ, смѣясь:

— Какой онъ гувернеръ! Я увѣренъ, что онъ былъ актеръ, нѣвецъ въ какомъ-нибудь нѣмецкомъ городишкѣ. Откуда бы ему знать столько арій и распѣвать ихъ, размахивая руками.

— Можетъ быть, отвѣчала матушка, — но вѣдь я взяла его не дѣтей воспитывать; я сама ихъ воспитаю. Пусть онъ только выучитъ ихъ по-нѣмецки. Ты всегда на нихъ нападаешь!

— На ~~кого~~? спрашивалъ отецъ.

— Да на иностранцевъ, вотъ хотя бы на m-lle Rosine; у нея рѣдкій французскій выговоръ, парижскій, чистый, чистѣйшій.

— Да зачѣмъ онъ?

— Какъ зачѣмъ? Нельзя же языковъ не знать.

— Пусть учатся, я не мѣшаю, только не знаю, зачѣмъ имъ чистый парижскій выговоръ.

— Такъ по твоему ломанымъ французскимъ языкомъ говорить?

Но батюшка не продолжалъ такого разговора и уходилъ по хозяйству. А такіе разговоры бывали часто.

Такъ мы и жили между отцемъ, только-что не русскимъ старовѣромъ, и матерью, умною, но на заморскій ладъ воспитанною женщиной. Серьез-

ныя, духовныя книги отца не привлекали насъ, а французскія книги матушки намъ были какъ-то чужды, не доросли мы до нихъ, или намъ наскучило слышать чтеніе того, чего мы не понимали хорошо. Въ особенности надоѣдало намъ приказаніе не говорить по-русски. Вотъ это было горе нашего дѣтства. „Parlez français“! кричала m-lle Rosine, которой нравъ не отличался кротостью. „Sprechen sie deutsch“! басилъ нѣмецъ, а мы только того и чаяли, чтобы урваться, убѣжать въ садъ и поболтать по-русски. Чего, чего не придумывала m-lle Rosine. Однажды она явилась съ дощечкой на красномъ шнуркѣ; на дощечкѣ былъ изображенъ оселъ съ длинными ушами, и она предназначала его для того изъ насъ, кто первый заговоритъ по-русски. Но, увы, оселъ въ первые три дня утратилъ всякое значеніе. Мы передавали его одинъ другому съ неописаннымъ рвеніемъ и вмѣсто наказанія и стыда, на которые рассчитывала Француженка, оселъ на дощечкѣ сдѣлался нашею любимую игрою. Француженка пришла въ негодованіе.

— Mais ces enfants n'ont aucun amour propre, on ne sait par quoi les prendre.

— Прекрасный, благородный дѣти! восклицалъ въ комическомъ негодованіи нѣмецъ. Онъ въ особенности не могъ видѣть спокойно, когда мы ѣли *тюрю*, то-есть черный хлѣбъ, крошенный въ квасъ. Видъ этого спартанскаго блюда вызывалъ его гнѣвное презрѣніе, и ироническое его восклицаніе: *прекрасный, благородный дѣти!* только увеличивало нашъ аппетитъ и нашу веселость. Мы бу-

квально, бывало, умирали со смѣху. А насъ было пятеро. Старшій братъ мой Сереженька, потомъ я, Люба, годомъ меньшая брата, а потомъ, двумя годами моложе меня, сестрица Милочка (Арина), за нею сестрица Наденька, а потомъ меньшей братецъ Николаша. Сереженька, Николаша и Милочка считались красавцами; они уродились, говорила матушка, въ ея породу, въ Кремневыхъ, славившуюся своею красотой. Сама матушка была замѣчательной красоты. И матушка, и Сереженька, и Милочка имѣли русые вившіеся волосы, темносѣрые, прекрасные, глубокіе, съ свѣтомъ и блескомъ глаза и цвѣтъ лица замѣчательной бѣлизны и нѣжности. Сереженька, Николаша и Милочка были любимцами матери, а я и Наденька—мы походили на отца, смуглые, какъ цыганки, и не могли похвастаться правильностью чертъ лица. Матушка очень сокрушалась нашими носами и всегда говорила съ прискорбіемъ:

— Боже мой! Какіе носы—вѣдь это ужасно! У нихъ носъ Шалонскихъ. Всѣхъ Шалонскихъ Господь наградилъ ужасными носами.

Носикъ матушки былъ небольшой, съ небольшимъ горбикомъ и безукоризненныхъ линій, а у отца и у меня съ сестрицей носы были не изъ маленькихъ, хотя и не уродливые, какъ скорбѣла о томъ матушка.

Въ семействѣ нашемъ пользовалась особеннымъ почетомъ наша няня Марья Семеновна, которая всѣхъ насъ выходила и вынянчила. Она была московская, небогатая купчиха, оставшаяся одна изъ многочисленнаго семейства, которое вымерло

во время московской чумы. Няня не любила говорить о чумѣ этой, а мы любили слушать и непремѣнно заставляли ее рассказывать. Бѣдная няня! При этомъ нашемъ неотвязномъ требованіи и вопросахъ, она крестилась, вспоминая страшное время. Она была старшая дочь у отца и матери и осталась сиротою съ меньшимъ братомъ; отецъ и мать, и 7 дѣтей ихъ умерли, другъ за другомъ, во время чумы. Няня не могла безъ трепета вспомнить о черныхъ людяхъ, одѣтыхъ въ черныя кожи, которые появлялись въ небольшой домикъ ея родителей и длинными крюками вытаскивали только что умершихъ родныхъ ея. Въ живыхъ осталась она одна по 16-му году съ меньшимъ братомъ лѣтъ 8. Они вдвоемъ заперлись въ заднюю комнату домика, и въ маленькое окошечко добрые люди подавали имъ на палкѣ хлѣбъ и воду. Когда чума въ Москвѣ миновала, Марью Семеновну выпустили изъ ея затворнической кельи, гдѣ натерпѣлась она такихъ страховъ. Оказалось, что въ маленькой лавочкѣ ея отца ничего не уцѣлѣло; она была разграблена во время мятежа. Ее и брата ея пріютилъ у себя двоюродный дядя; братъ ея служилъ у него на побѣгушкахъ, а потомъ сталъ прикащикомъ, и умеръ, не доживъ до 18 лѣтъ. Марью Семеновну въ 18 лѣтъ отдали замужъ за купца, который оставилъ ее вдовою безъ всякаго состоянія. У ней были дѣти, но, какъ она говорила: Господь ихъ прибралъ. И вотъ пришлось Марьѣ Семеновнѣ идти въ услуженіе. Она, потерявъ родныхъ дѣтей, поступила въ нашъ домъ, когда родился братъ Сережа. И любила же она